«Прошедшее прошлого»: некоторые размышления о политике историзации и кризисе истористского прошлого

БЕРБЕР БЕВЕРНАЖ

Доцент, кафедра истории, факультет искусств и философии, Гентский университет (UGent). Адрес: 35 Sint-Pietersnieuwstraat, 9000 Gent, Belgium.
E-mail: berber.bevernage@ugent.be.

Ключевые слова: прошедшее прошлого; историзм; несовременность; широкое настоящее; хронология; политика времени; современность.

Предметом исследования Бербера Бевернажа выступает понятие прошедшего прошлого (*pastness of the past*), лежащее в основании историзма. Необходимость переосмысления этого понятия вызвана отмечаемым некоторыми теоретиками истории кризисом исторического сознания и размыванием границ между прошлым и настоящим в условиях доминирования презентистского «широкого настоящего» (термин Ханса Ульриха Гумбрехта). Автор не призывает полностью отказаться от историзма, который может иметь как репрессивный, так и эмансипаторный характер. Он настаивает на необходимости отличать прошедшее прошлого от простого хронологического предшествования и рассматривать его строго как «реляционное понятие», то есть зависящее от восприятия настоящего, которое не следует сводить к простому эмпирическому наблюдению.

Прошедшее прошлого всегда зависит от понимания настоящего как когерентного исторического контекста или, иначе говоря, предпола-

гает представление о современности настоящего самому себе. Однако, опираясь на работы британского философа Питера Осборна, автор считает возможным говорить о «фигции современности», не подтверждаемой никаким эмпирическим опытом. При этом подобная фикция не является сутубым вымыслом, но выполняет прагматически мотивированную и политически значимую перформативную функцию. Таким же образом он предлагает относиться и к понятию прошедшего прошлого. Приписывание тому или иному явлению признака прошедшего, по мысли автора, может быть оспорено, поскольку всегда нацелено на оправдание действующих отношений власти. Не только историки могут считаться ответственными за создание эффекта прошедшего прошлого. Автор допускает, что к этому могут быть причастны и другие профессиональные сообщества, в частности художники и юристы. Господствующее в культуре чувство прошедшего возникает из множества локально произведенных ощущений прошлого.

Не всякое отношение к прошлому является историческим само по себе. Только после того, как прошлое наделяется определенным качеством прошедшего — и при этом его прошедшесть соотносится с настоящим с помощью специальной когнитивной операции исторического сознания, — мы можем говорить о «преимущественно историческом» отношении к прошлому.

*Йорн Рюзен. Логика историзации*¹

Правители колоний пытались внушить нам, что прошлое мертво. Но нас интересует не прошедшесть прошлого, а «прошедшесть настоящего», то есть живое прошлое... Написание истории — это скорее живая, нежели мертвая, дисциплина.

*Тедж Рам Шарма. Методология исторического исследования*²

...Различие между прошлым и настоящим представляется крайне сомнительным. Насколько мне известно, никто так и не сумел найти линию, отделяющую прошлое от настоящего.

*Константин Фазолт. Границы истории*³

Введение

ШИРОКО известно, что понятие прошедшесть прошлого (*pastness of the past*) лежит в основе мировоззрения, характерного для историзма⁴. Свойственная историзму идея инаковости или не-современности прошлого достаточно долго казалась настолько самоочевидной, что практически не требовала объяснения или теоретического осмысления.

Перевод с английского *Анны Егоровой*.

1. *Rüsen J. The Logic of Historicization // History and Memory. 1997. Vol. 9. № 1–2. P. 119–120.*
2. *Sharma T. R. Research Methodology in History. New Delhi: Concept Publishing Company, 2001. P. 34.*
3. *Fasolt C. The Limits of History. Chicago: The University of Chicago Press, 2004. P. 10.*
4. Автор выражает признательность Андрею Олейникову, Валдересу Рамалхо, Кейт Темони и Марии-Габриэлле Вербергт за ценные комментарии и отзывы.

Однако сегодня прошедшее прошлого становится предметом широкой научной и политической дискуссии. На фоне возрастающего международного внимания к проблемам памяти и исторической несправедливости многие специалисты отмечают, что границы между прошлым и настоящим становятся все более размытыми, а свойственная историзму идея прошлого переживает кризис. По самым пессимистическим оценкам, под угрозой оказывается само чувство коллективно разделяемого настоящего или современного «Мы», а значит, и способности к (прогрессивному) коллективному действию. Поэтому все чаще раздаются ностальгические призывы к более четкому определению прошлого, которое отвечало бы историзму, и восстановлению его в своих правах. Я предлагаю другую точку зрения. Я отнюдь не утверждаю, что мы можем попросту избавиться от самого понятия прошедшего, но выступаю за его радикальное переосмысление, которое, в свою очередь, позволит нам критически пересмотреть наш подход к историзму⁵ как к практике, способной носить как эмансипаторный, так и репрессивный характер. Оно также может стать основой для более взвешенного анализа ряда важных политических проблем, включая вопросы памяти и так называемую ретроспективную политику⁶.

Первая часть статьи посвящена нарастающей критике понятия прошедшего прошлого, используемого в историзме. Хотя подобная критика имеет весьма длительную и сложную историю, в данной статье я рассматриваю лишь самые последние ее направления. На мой взгляд, наблюдаемый сегодня кризис историзма и характерного для него понятия прошлого в значительной степени

5. Термин «историзм» известен своей сложностью и многозначностью. В данной статье я исхожу из его интерпретации, предложенной Карлом Мангеймом. Он характеризовал историзм как мировоззрение (*Weltanschauung*), которое видит весь мир как продукт исторических изменений и отрицает существование трансвременной реальности. Поэтому историзм не стоит путать с историографией в целом. Или, пользуясь словами Мангейма: «Со времен Геродота историю записывали множеством разных способов: как плоскую хронику фактов, как легенду, как поучительный предмет медитации, как вероисповедную иллюстрированную книгу, как риторику, как произведение искусства. С историзмом мы встречаемся лишь тогда, когда история записывается исходя из исторического мировоззрения» (*Мангейм К. Историзм // Очерки социологии знания. М.: ИНИОН РАН, 1997. С. 118–119*).
6. О хронософии, лежащей в основе ретроспективной политики, см.: *Beveridge B. The Past Is Evil / Evil Is Past: On Retrospective Politics, Philosophy of History and Temporal Manichaeism // History and Theory. 2015. Vol. 54. № 3. P. 333–352.*

связан с идеей инаковости прошлого (его отличия от настоящего) и его не-современности (непринадлежности нашему времени).

Во второй части статьи я анализирую возможности критического переосмысления прошедшего прошлого. Я начинаю с утверждения о том, что она никогда не может выводиться из простого наблюдения и не может быть полностью эмпирически определена. Проблема прошедшего прошлого состоит в том, что она, в свою очередь, тесно связана с крайне проблематичной идеей присутствия настоящего (*presence of the present*) или того, что философы Жак Рансьер и Питер Осборн называют фикцией «положения дел»⁷ или «фикцией современного»⁸. Утверждение о том, что прошедшее прошлого зависит от определенного рода фикции, совсем не означает, что она является полностью воображаемой или произвольной. Скорее, я стремлюсь продемонстрировать, что утверждения о прошедшем прошлого никогда не могут быть полностью доказаны эмпирически и что ощущение прошедшего прошлого отчасти создается на основе рамки интерпретации, которая имеет конкретную географическую и социокультурную локализацию (то есть не может быть универсальной) и включает спекулятивные элементы, являясь во многом идеологической.

Кризис прошедшего

Историки, теоретики культуры и представители других областей все чаще говорят о том, что отношения ко времени и темпоральности, или «режимы историчности», изменяются⁹. Эти специалисты нередко указывают на радикальные перемены, происходящие в доминирующем в культуре способе отношения к прошлому. Многие отмечают, что прошлое приобрело осязаемое присутствие в широком спектре общественных сфер — от (международной) политики и судебной системы до СМИ, индустрии развлечений и искусства. Некоторые считают, что прошлое стало настолько вездесущим, что фактически ставит под угрозу современное историческое сознание и даже свойственное историзму понятие прошедшего. Еще в начале 1990-х годов Фредерик Джеймисон заявлял, что «культурная логика» общества постмодерна чревата «кризисом историч-

7. *Rancière J.* In *What Time Do We Live? // Política común.* 2013. Vol. 4.

8. *Osborne P.* *Anywhere or Not at All: Philosophy of Contemporary Art.* L.: Verso, 2013.

9. *Hartog F.* *Régimes d'historicité: présentisme et expériences du temps.* P.: Seuil, 2003.

ности», поскольку настоящее все больше «колонируется» постальтернативой, а «реальная» история уступает место сугубо эстетическим эффектам «прошедшего» и «псевдоисторической глубине», что, в свою очередь, делает темпоральный опыт крайне фрагментарным и приводит к тому, что постмодернистский субъект уже не способен «организовать свое прошлое и будущее в упорядоченный опыт»¹⁰. Схожим образом Андреас Хейссен замечал, что если еще сравнительно недавно исторический дискурс был способен «гарантировать относительную стабильность прошлого в его прошедшем», то изменения в СМИ, историческом знании и «все более всеядной музейной культуре» привели к размыванию «темпоральных границ» и превратили прошлое в «часть настоящего, что в другие времена было бы просто невыносимым»¹¹. Ханс Ульрих Гумбрехт также утверждает, что изменения в социальном восприятии времени и технологическая эволюция, благодаря которой «хранение памяти», кажется, стало безграничным, привели к тому, что «оставить позади» какое-либо прошлое становится все сложнее»¹², а «настоящее оказывается переполнено самым разным прошлым»¹³. Более того, Гумбрехт указывает на не менее радикальные перемены в господствующем общественном понимании будущего, которое утрачивает ранее присущий ему характер «открытого горизонта возможностей» и все больше «напоминает надвигающуюся угрозу»¹⁴. Исходя из этих соображений, Гумбрехт приходит к выводу о существовании кардинально новой «пост-исторической» темпоральности, которую он называет «широким настоящим временем». По мнению исследователя, такое широкое настоящее привело к устареванию всех предшествующих хронотопов, связанных с исторической мыслью. Несмотря на то что понятия, характерные для исторического времени, все еще используются в повседневных дискуссиях, Гумбрехт считает, что мы «более не живем в историческом времени» в том смысле, что «оно не может служить основой для опыта или действия»¹⁵.

10. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Издательство института Гайдара, 2019. С. 126. Заметим, что Джеймисон сам помещает слова «реальный» и «прошедшее» в кавычки.
11. Huyssen A. Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory. Stanford: Stanford University Press, 2003. P. 1.
12. Gumbrecht H. U. Our Broad Present: Time and Contemporary Culture. N.Y.: Columbia University Press, 2014. P. 22.
13. Ibid. P. xiii.
14. Ibidem.
15. Ibidem.

Невзирая на очевидные различия между этими мыслителями, все они отмечают кризис концепции прошлого в двояком смысле: связывают кризис с якобы наблюдаемой социокультурной одержимостью прошлым и вместе с тем указывают на кризис собственно исторического сознания, вызванный неспособностью признать прошедшее прошлого. Они, как правило, не выступают против истории как таковой и не высказываются за всеобщее забвение; напротив, скорее испытывают ностальгию по полноценному историческому сознанию, где прошлое и будущее были надежно отделены друг от друга. Таким образом, представляется, что эти исследователи видят проблему в том, что прошлое демонстрирует недостаточную или неверную прошедшесть.

Кризис принятой в историзме концепции прошлого вызвал целый ряд критических, а иногда даже алармистских оценок. Историки нередко представляют отрицание прошедшего прошлого как эпистемическую и этическую неспособность сформировать отношение к прошлому или, точнее, как неспособность признать инаковость обществ и народов прошлого. Тем не менее многие воспринимают кризис исторической концепции прошлого как угрозу настоящему и будущему. Существует мнение, что этот кризис оказывает негативное воздействие на способность к (прогрессивному) политическому действию и даже ставит под угрозу чувство «современного Мы» или «нашего времени» как коллективно разделяемого настоящего. Например, согласно Гумбрехту, разрушение того, что он называет «истористским хронотопом», мешает нам с уверенностью определить, что относится к «нашему времени», а что нет (будь то в архитектуре, искусстве или литературе); более того, в опасности оказывается наша способность *действовать* в настоящем и *воздействовать* на него ради лучшего будущего. Именно «историческое сознание», с точки зрения Гумбрехта, позволяло субъекту эпохи модерна «устанавливать соответствие между опытом прошлого и условиями настоящего и будущего и выбирать из будущих возможностей проекты для преобразования мира, которые всегда обладали новизной»¹⁶. С крушением исторического сознания, замечает Гумбрехт, иссяк и важный источник политической и интеллектуальной энергии — это наблюдение автор распространяет на столь разнородные явления, как кризис гуманитарных наук и стагнация государственного социализма.

Данная Гумбрехтом оценка может показаться чрезмерно алармистской, однако многие исследователи, по всей видимости, раз-

16. Ibid. P. 31.

деляют его анализ, посвященный политическим последствиям присутствия различных «прошлых» в настоящем. Такие ученые, как Джон Торпей, Чарльз Майер или Питер Лагру, часто связывают так называемый избыток памяти¹⁷ или пассеизм¹⁸ в современной культуре с «нехваткой проектов будущего»¹⁹ и «заниженными политическими ожиданиями»²⁰. Философы Жан-Люк Нанси и Марсия Са Кавальканте Шубак полагают, что проблема «эпистемологической подмены истории памятью» и возрастающее внимание к «различным прошлым, которые не проходят», и «концам, которые не оканчиваются», угрожают не просто нашему чувству будущего, но даже чувству «сегодняшнего дня» — «нашего сегодня в его совместности» (*in-common of a today*)²¹. Эта идея созвучна целому ряду подобных критических работ, связывающих «настоящие прошлые» с «завышенной оценкой принадлежности»²² и междоусобной политикой идентичности, при этом преданность умершим предкам воспринимается как угроза сегодняшней сплоченности общества или солидарности ныне живущих.

И все-таки не все оценивают негативно кризис концепции прошлого, характерной для историзма. Хотя среди ученых немного тех, кто готов полностью отказаться от идеи прошедше-сти, многие критикуют слишком строгое разделение прошлого и настоящего ввиду мощного политического и интеллектуального потенциала, который содержит критическое переосмысление прошедше-сти прошлого. Критика истористской концепции прошлого ведется как минимум на трех уровнях: онтологическом, эпистемическом/герменевтическом и этико-политическом. Так, значительная часть трудов Жака Деррида посвящена критике онтологического разделения прошлого и настоящего. В своих поздних работах, в частности в «Призраках Маркса»²³, Дер-

17. *Maier C.* A Surfeit of Memory? Reflections on History, Melancholy, and Denial // *History and Memory*. 1993. Vol. 5. P. 1936–1951.

18. *Lagrou P.* De l'histoire du temps présent à l'histoire des autres. Comment une discipline critique devient complaisante // *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*. 2013. Vol. 118. P. 117.

19. *Ibidem.*

20. *Torpey J.* Making Whole What Has Been Smashed: On Reparations Politics. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006. P. 5.

21. *Nancy J.-L., Sá Cavalcante Schuback M.* History, Today // *Philosophy Today*. 2016. Vol. 60. № 4. P. 823–826.

22. *Noudelmann F.* Le contemporain sans époque, une affaire de rythmes // *Qu'est ce que le contemporain* / L. Ruffel (ed.). Nantes: Cécile Defaut, 2010. P. 63.

23. *Derrida J.* Specters of Marx. The State of the Debt, the Work of Mourning, and the New International. N.Y.: Routledge, 1994.

рида даже утверждает, что признание призрачности прошлого (тот факт, что прошлое преследует настоящее) представляет собой условие инклюзивной концепции справедливости. Отчасти наследуя Деррида, Дипеш Чакрабартти предложил не менее изощренную критику истористской прошедшести. По мнению Чакрабартти, чтобы всерьез воспринять критический потенциал людей и идей прошлого, нам не следует относиться к ним как к простым «означающим других времен и обществ»²⁴, но нужно наделить их определенной современностью и увидеть в них своих современников, по крайней мере отчасти. Размышляя о так называемом прошлом угнетенных (*subaltern pasts*), Чакрабартти настаивает на подходе, который видит в этом прошлом «способы бытия в мире» и позволяет задать вопрос о том, не предлагают ли эти способы бытия «возможность для нашей собственной жизни и того, что мы определяем как наше настоящее?»²⁵ Вместо того чтобы находить все новые подтверждения идее экзотической инаковости, критическое исследование «прошлого угнетенных», считает Чакрабартти, должно помочь нам осмыслить «неоднородность, различные способы бытия, которые составляют наше собственное настоящее», и увидеть «вывихнутую природу нашего времени»²⁶. Отказываясь подходить к историческим другим как к простым означающим прошедшести прошлого, Чакрабартти пытается показать границы историзации, открыто отвергая известный наказ Джеймисона — «всегда историзируй». Тем не менее высказанную Чакрабартти критику не стоит воспринимать как безоговорочный отказ от любых форм историзации. Скорее, его позиция заключается в том, что критически осмысленные теория и практика историзации должны начинаться с тщательного анализа сложных онтологических оснований «сейчас», а также с признания не-современности настоящего самому себе. Чакрабартти утверждал:

Именно в силу того, что мы всегда уже имеем опыт не-современности настоящего самому себе, мы можем историзировать. Таким образом, историки Средневековья могут историзировать средневековое или древнее как раз потому, что эти миры никогда не были полностью утрачены. Как раз потому, что мы жи-

24. *Chakrabarty D. Minority Histories, Subaltern Pasts // Postcolonial Studies. 1998. Vol. 1. № 1. P. 24.*

25. *Ibidem.*

26. *Ibidem.*

вем в завязанном узлом времени, если можно так выразиться, мы можем предпринять попытку отчасти развязать этот узел...²⁷

Безусловно, Чакрабарти не одинок в своем призыве к поиску более критического подхода к историзации, который бы признавал собственные ограничения и более осторожно подходил к идее прошедшего прошлого (или присутствия настоящего), а не воспринимал бы ее просто как факт. Схожую аргументацию мы можем обнаружить, например, в работах, посвященных литературе²⁸, религии²⁹ и такой новой дисциплине, как этнография историчности³⁰.

Наиболее широкое общественное внимание критика концепции прошлого, свойственной историзму, получила в контексте дискуссий и компаний, связанных с наследием рабства и расовой дискриминации в США. В эссе, озаглавленном «К какому времени относится рабство», Ариела Гросс, в частности, показывает, что наиболее распространенные версии истории рабства в США зачастую не могут быть использованы в критической дискуссии о современной расовой дискриминации из-за того, что в них рабство преподносится как «надежно похороненное в далеком прошлом». Более того, мейнстримная история рассматривает рабство изолированно от различных проявлений расовой несправедливости, относящихся к этому феномену, «сводя к минимуму связь между временем рабства и сегодняшним днем»³¹. Гросс поясняет,

27. Ibidem.

28. См., напр.: *The Limits of Literary Historicism* / A. Dunn, T. Haddox (eds). Knoxville: University of Tennessee Press, 2012; *Fleissner J. Historicism Blues* // *American Literary History*. 2013. Vol. 25. № 4. P. 699–717.

29. См., напр.: *Wolfart J. The Rise of Historical Consciousness* // *Religion Compass*. 2009. Vol. 3. № 1. P. 86–98; *Yerushalmi Y. H. Zakhor. Jewish History and Jewish Memory*. Seattle: University of Washington Press, 2002; *Neusner J. Paradigmatic Versus Historical Thinking: The Case of Rabbinic Judaism* // *History and Theory*. 1997. Vol. 36. № 3. P. 353–377.

30. См., напр.: *Palmié S. Historicist Knowledge and Its Conditions of Impossibility* // *The Social Life of Spirits* / R. Blanes, D. Espírito Santo (eds). Chicago: The University of Chicago Press, 2013. P. 218–239; *Hirsh E., Stewart C. Ethnographies of Historicity* // *History and Anthropology*. 2005. Vol. 16. № 3. P. 261–274; *The Varieties of Historical Experience* / S. Palmié, C. Stewart (eds). N.Y.: Routledge, 2019; *Lambek M. The Sakalava Poiesis of History: Realizing the Past Through Spirit Possession in Madagascar* // *American Ethnologist*. 1998. Vol. 25. № 2. P. 106–127.

31. *Gross A. When Is the Time of Slavery — The History of Slavery in Contemporary Legal and Political Argument Essay* // *California Law Review*. 2008. Vol. 96. P. 283, 288.

что аргументы в пользу восстановления справедливости и возмещения ущерба, наоборот, сильно зависят от способности установить связь между «злом рабства и сегодняшним злом» или связь между прошлым и настоящим в широком смысле³². В контексте подобного неприятия представления о прошлом как прошедшем мы можем понять смысл выражений, которые описывают массовое тюремное заключение в США как «нового Джима Кроу», или высказываний о том, что «Джим Кроу никогда не умирал»³³. Кенан ван де Миеруп также отмечает, что дебаты о восстановлении справедливости (в США и Франции) разворачиваются не вокруг различных фактических описаний истории рабства, но скорее касаются противоборствующих взглядов на природу «исторического настоящего» и места наследия рабства в этом настоящем³⁴.

В этом же направлении мыслит и Стефан Пальме: для него скептицизм и даже открытая враждебность многих афроамериканцев по отношению к академической историографии вызвана «антагонистическими формами исторического воображения», которое не воспринимает прошлое как неведомую страну, но видит его как «бытовой вопрос здесь и сейчас»³⁵. Тот факт, что это оппозиционное историческое воображение не признает прошедшее прошлого, с точки зрения Пальме, нельзя отвергать как проявление иррационализма. Напротив, классическая для историзма концепция «статического, объективного прошлого, которое должно быть четко онтологически и эпистемологически отграничено от настоящего, должна быть

32. Ibid. P. 306.

33. См., напр.: *Pitts Jr. L. British Goals of Jim Crow Never Died // Miami Herald*. 06.10.2012. URL: <https://www.miamiherald.com/opinion/opn-columns-blogs/leonard-pitts-jr/article1943352.html>; *Traister R. Our Racist History Isn't Back to Haunt Us. It Never Left Us // The New Republic*. 19.06.2015. URL: <https://newrepublic.com/article/122073/our-racial-history-isnt-back-haunt-us-it-never-left-us>. (Бевернаж имеет в виду книгу Мишель Александер: *Alexander M. The New Jim Crow: Mass Incarceration in the Age of Colorblindness*. N.Y.: The New Press, 2010. Джим Кроу — чернокожий, герой популярной песни «Прыгай, Джим Кроу», по имени которого были названы законы, закрепившие расовую сегрегацию в США после окончания Гражданской войны 1861–1865 годов. — Прим. ред.)

34. Ван де Миеруп заимствует понятие «исторического настоящего» у Поля Рикёра. См.: *Van De Mieroop K. Historical Presents: A Study of the Debates Around Reparations From Slavery in the United States and France, the Post-Racial Era and the Age of Commemoration*. PhD thesis. Ghent University, 2016.

35. *Palmié S. Slavery, Historicism, and the Poverty of Memorialization // Memory: Histories, Theories, Debates / S. Radstone, B. Schwarz (eds)*. N.Y.: Fordham University Press, 2010. P. 374.

отброшена, ведь идея „прошлого“, загрязненного нежелательными явлениями „презентизма“, сама по себе является в высшей степени идеологической и «логически не обоснованной»³⁶.

Таким образом, оценки принятой в историзме концепции прошлого являются диаметрально противоположными. Некоторые видят в ней условие эмансипаторной или прогрессивной политики. Другие, наоборот, считают, что поистине справедливая и трансформационная политика может основываться лишь на критике истористской концепции прошлого. Аналогичным образом отказ от прошедшего прошлого одними воспринимается как угроза нашему пониманию уникальности настоящего, в то время как другие призывают критически переосмыслить прошедшее прошлого, что, по их мнению, является условием для более тонкого понимания настоящего.

Я разделяю последнюю точку зрения и полагаю, что вместо того, чтобы держаться за идею инаковости прошлого, критическая историческая мысль должна всерьез отнестись к «гетерогенности... которая составляет наше настоящее», или к «вывихнутой природе нашего времени»³⁷.

Прошедшее прошлого: в чем видится проблема?

Почему понятию прошедшего прошлого посвящено так мало исследований — вопрос поистине загадочный. Часто оно воспринимается как нечто данное или само собой разумеющееся: как часть эмпирически наблюдаемой реальности. В данном разделе моей статьи я постараюсь опровергнуть эту идею. На мой взгляд, необходимо отличать прошедшее прошлого от простого хронологического «предшествования», при этом данное понятие следует рассматривать как реляционное (*relational*), то есть зависящее от конкретного понятия настоящего, которое само всегда проблематично, не может быть объектом простого наблюдения и является как минимум недостаточно эмпирически определенным (*empirically underdetermined*).

Прошедшее и хронология

Хотя концепция прошлого в историзме явно связана с хронологическим образом мысли, она не сводится к простому хронологи-

36. Ibid. P. 370.

37. Chakrabarty D. Op. cit. P. 24.

ческому предшествованию или порядку очередности. По мнению Захари Шиффмана, для историзма прошлое — не просто время, которое предшествует настоящему, оно фундаментально отличается от него³⁸. Переживающая кризис истористская прошедшесть (которая является предметом нашего исследования) действительно отсылает к некоторой инаковости или не-современности прошлого. Это ощущение прошедшесть прошлого возникает тогда, когда хронологически более раннее или древнее становится «старомодным», «отжившим» или «устаревшим»³⁹. Как таковую прошедшесть прошлого нельзя определить, просто указав на хронологическое предшествование. Неоднократно высказывалось мнение о том, что свойственное историзму чувство прошедшесть не вырастает напрямую из простого течения календарных лет: более близкое к настоящему прошлое иногда может казаться более давним, нежели прошлое, которое является хронологически более отдаленным от настоящего. Анри Руссо поясняет:

Если мы обратим внимание на ту важность, которую приобрели празднования годовщин в Европе, то Первая мировая война покажется ближе нашему времени, нежели тридцать лет назад... Столь давнее событие может выглядеть более «современным», чем относительно недавнее⁴⁰.

Константин Фазолт также отмечает:

... настоящее не просто стареет и равномерно обращается в прошлое. Ход часов отнюдь не измеряет скорость или интенсивность, с которой настоящее перетекает в прошлое. Христос кажется более юным, чем Великий инквизитор, а Сталин гораздо старше Карла Маркса⁴¹.

Отличие истористского прошлого от хронологического времени было, вероятно, наиболее красноречиво схвачено Томасом Манном, который остроумно комментирует «преувеличенную давность» повествования своей «Волшебной горы», риторически вопрошая:

38. *Shiffman Z. S. The Birth of the Past. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2011.*

39. Подробнее о понятии «устаревшего» см.: *Cultures of Obsolescence: History, Materiality, and the Digital Age / B. Tischleder, S. Wasserman (eds). N.Y.: Springer, 2015.*

40. *Rouso H. Coping With Contemporariness // Being Contemporary: French Literature, Culture and Politics Today / L. Brozgal, S. Kippur (eds). Liverpool University Press, 2017. P. 22.*

41. *Fasolt C. Op. cit. P. 16.*

... разве характер давности какой-нибудь истории не становится тем глубже, совершеннее и сказочнее, чем ближе она к настоящему, перед которым она случается?⁴²

Подчеркивая различие между соображениями хронологии и характерным для историзма понятием прошедшего, я, безусловно, не пытаюсь сказать, что они не связаны. Историки, например, нередко используют хронологию, чтобы обосновать прошедшее того или иного прошлого или даже как «алиби», которое позволяет им обойти вопрос о том, как проводится граница между прошлым и настоящим, и работать с «пограничной темпоральностью» современной истории⁴³. Как я уже показывал в своих предыдущих работах, хронологическое чувство принадлежности к прошлому часто используется для указания на решительную прошедшесть явлений (как если бы они устарели или утратили актуальность)⁴⁴. Иными словами, возможность хронологической датировки событий, которая позволяет располагать их в хронологической системе, зачастую используется для того, чтобы доказать давность этих событий. Таким образом, хронология якобы играет решающую роль для определения значимости события или его (ир)релевантности по отношению к настоящему. Джеффри Инско совершенно справедливо замечает, что «свойственный историзму акцент на историческом различии» отчасти поддерживается за счет «цифровой хронологии» и математического подхода к исторической реальности⁴⁵. Рассматривая

42. Приводимая в стандартном русском переводе Веры Станевич и Валентины Куреллы цитата из «Волшебной горы» немного изменена, чтобы лучше соответствовать смыслу английского перевода, который приводит Бевернаж: *“Is not the pastness of the past the profounder, the completer, the more legendary, the more immediately before the present it falls?”*. — *Прим. ред.*

43. Подробнее о понимании современности как «маргинальной темпоральности» см.: *Apter E. Rethinking Periodization for the ‘Now-Time’ // Being Contemporary: French Literature, Culture and Politics Today*. P. 38. Историки часто уходят от ответа на вопрос о критериях определения прошлого в историзме, вводя формальный период ожидания (например, 30 или 40 лет), после которого события могут быть квалифицированы как принадлежащие «истории» (и даже «современной истории»), а значит, как доступные для исторического исследования.

44. *Bevernage B. History, Memory, and State-Sponsored Violence: Time and Justice*. N.Y.: Routledge, 2012.

45. *Insko J. The Prehistory of Posthistoricism // The Limits of Literary Historicism*. P. 107. Инско заимствует понятие «цифровой хронологии» у Вай Чи Димок (Wai Chee Dimock).

последнюю через призму численно организованной хронологической системы, где исторические события, действия, тексты или целые исторические контексты привязаны к конкретным годам, дням, часам и т. д., историзм склонен разрезать время на «про- нумерованные слои», которые выполняют функцию своего рода метафорических папок, по которым расфасованы отрезки истории. Инско поясняет:

Подобная система [математической нарезки времени] позволяет сторонникам историзма вынести за скобки некоторые связи — отношения подобия различных периодов времени, — чтобы обнаружить (или установить) отличие, уникальность каждого отдельного исторического момента или отрезка времени. Она также помогает устанавливать тождество между совершенно различными социальными практиками, поскольку они происходят в один и тот же момент времени. Такая процедура «работает», потому что исходит из того, что принимается по умолчанию — а именно из якобы естественного характера хронологического, линейного времени⁴⁶.

Инско риторически вопрошает:

Что, если бы мы подходили к истории, предполагая, что измерение времени при помощи следующих друг за другом периодов (месяцев, лет, эпох) производится лишь для концептуального удобства, что это всего-навсего один из множества инструментов, помогающих нам объяснить и осмыслить различия? Что, если дело обстоит так, что историзм не просто уважает или безучастно принимает во внимание инаковость прошлого, а производит эту инаковость через особый дискурс исторической темпоральности? Каким было бы понимание истории и историчности литературных текстов, если бы мы признали, что «другим» прошлое делает не время, само по себе разделенное на периоды, но что на периоды его разделяют историки, чтобы установить инаковость прошлого?⁴⁷

Можно было бы действительно утверждать, что кризис собственной историзму прошедшего бросает вызов математическому подходу к исторической реальности и ставит под вопрос интуитивную связь между хронологически «предшествующим» и сущностно «прошедшим», между датировкой и устареванием.

46. Ibid. P. 107–108.

47. Ibid. P. 108.

Прошедшее прошлого и присутствие настоящего

Прошедшее имеет логический смысл лишь по отношению к некоторому настоящему. Прошедшее — это реляционное понятие, которое не может существовать *sui generis* и поэтому никогда не является попросту «прошлым». Мишель-Рольф Труйо так формулирует эту мысль:

... прошлое не существует независимо от настоящего. Ведь прошлое является таковым лишь потому, что сейчас его уже нет, то есть я могу указать на то, что находится *там*, только потому, что я нахожусь *здесь*. Но ничто по самой своей сути не находится там или здесь. В этом смысле у прошлого нет содержания. Прошлое — или, выражаясь точнее, прошедшее, — это позиция. Поэтому мы никоим образом не можем определить прошлое как *прошлое*⁴⁸.

Однако утверждение, что прошедшее прошлого может существовать только в отношении к настоящему, все еще нуждается в прояснении. Анализируемая нами идея прошедшего прошлого связана со специфической концепцией настоящего. Ясно, что прошедшее прошлого не подразумевает инаковость или отличие каждого отдельного аспекта прошлого по отношению ко всему, что на данный момент существует в (хронологическом) настоящем. Скорее, она связана с определенным пониманием настоящего как когерентного «исторического контекста» или «времени». Прошедшее прошлого — в смысле его инаковости или не-современности — зависит от идеи определенной тождественности или современности (исторического) настоящего. Иначе говоря, она основана на идее существования современного самому себе исторического настоящего.

Идея современности настоящего является сильным допущением, которое весьма распространено среди историков и других интеллектуалов. Как замечает Хельге Йордхайм, историческая дисциплина была традиционно связана с идеей сингулярности времени⁴⁹. Вольф Шэфер даже утверждает, что главная цель глобальной истории состоит в том, чтобы продемонстрировать современность настоящего и развеять «идеологию не-современности».

48. Trouillot M.-R. *Silencing the Past: Power and the Production of History*. Boston, MA: Beacon Press, 1997. P. 15.

49. Jordheim H. Introduction: Multiple Times and the Work of Synchronization // *History and Theory*. 2014. Vol. 53. P. 498–518.

сти» или заявить о том, что «не все современники — современны»⁵⁰. Вместе с тем другие «ты» (и «я» в их числе) оспаривают использование самого понятия современности как идеологическое, ведь, характеризуя хронологическое настоящее, оно не учитывает (историческую) гетерогенность⁵¹. Сегодня тема темпоральной гетерогенности все больше привлекает внимание ученых, предлагающих изощренные теоретические подходы к этому вопросу⁵². Более того, понятие современности также все чаще становится предметом критического анализа⁵³. Оба этих исследовательских направления заставляют задуматься о сложной природе настоящего. В частности, Жак Рансьер недавно заявил, что многие рассуждения о «времени, в котором мы живем», или отсылки к «нашему времени» — даже в случае попыток сформулировать радикальную критику — берут в качестве отправной точки крайне проблематичную и идеологическую концепцию «абсолютного настоящего». В таком настоящем «все происходит в одинаковом ускоряющемся темпе», кроме того, оно «подразумевает непосредственное общее родство между глобальным временем и временем индивидов»⁵⁴.

Британский философ Питер Осборн также призывает критически переосмыслить идею современности настоящего самому себе или понятие «современности»⁵⁵. Хотя Осборн не призывает

50. Schäfer W. Global History and the Present Time // *Wiring Prometheus: Globalisation, History and Technology* / P. Lyth, H. Trischler (eds). Langelandsgade: Aarhus University Press, 2004. P. 109.

51. Bevernage B. Tales of Pastness and Contemporaneity: On the Politics of Time in History and Anthropology // *Rethinking History*. 2016. Vol. 20. № 3. P. 352–374.

52. См., напр.: Jordheim H. Against Periodization: Koselleck's Theory of Multiple Temporalities // *History and Theory*. 2012. Vol. 51. № 2. P. 151–171; Helgesson S. Radicalizing Temporal Difference // *History and Theory*. 2014. Vol. 53. P. 545–562; Thomas P. The Plural Temporalities of Hegemony // *Rethinking Marxism*. 2017. Vol. 29. № 2. P. 281–302; Harootunian H. Remembering the Historical Present // *Critical Inquiry*. 2007. Vol. 33. № 3. P. 471–494.

53. См., напр.: Qu'est ce que le contemporain; Agamben G. What Is the Contemporary? // *Idem. What Is an Apparatus? And Other Essays*. Stanford: Stanford University Press, 2009. P. 39–54; *Being Contemporary: French Literature, Culture and Politics Today*; Cox G., Lund J. *The Contemporary Condition: Introductory Thoughts on Contemporaneity and Contemporary Art*. Aarhus: Sternberg Press, 2016.

54. Rancière J. *Op. cit.*

55. Osborne P. *Op. cit.*; *Idem. Global Modernity and the Contemporary: Two Categories of the Philosophy of Historical Time* // *Breaking Up Time: Negotiating the Borders Between Present, Past and Future* / C. Lorenz, B. Bevernage (eds). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2013. P. 69–84.

отвергнуть это понятие как не соответствующее реальности, он показывает, что оно является спорным в нескольких отношениях. На уровне теории понятие «современного» представляет проблему, так как выходит за рамки любого возможного опыта. Концепция современности возникает как результат гипотетического рассуждения или некоторого допущения и является, если пользоваться кантианской терминологией, своего рода «эвристической фикцией». На более фундаментальном уровне, указывает Осборн, понятие современности как самодовлеющее единство настоящего проблематично в силу причин, анализ которых можно найти уже у Хайдеггера. Живое настоящее, согласно Хайдеггеру, никогда не существует само по себе, но «экзистует» (*ex-ists*) как хрупкое соединение прошлого и будущего. Так как современное проектирует «в настоящее» некоторое темпоральное единство, которое относится прежде всего к «будущему», Осборн называет это понятие «структурно антиципационным» или исторически «спекулятивным»⁵⁶.

Понятие исторической современности представляет проблему и с эмпирической точки зрения. Несмотря на то что под воздействием глобализации и транснационального капитализма мир становится все более взаимосвязанным, проблема социального неравенства остается неразрешенной, а сама идея экзистенциально объединенного исторического настоящего превращается в утопию. Осборн замечает:

В нашем настоящем не существует социально релевантной, общей для всех позиции субъекта, из которой вся тотальность социальных отношений могла бы *проживаться* как целое, пускай даже в эпистемологически проблематичной или экзистенциально фрагментарной форме⁵⁷.

Кроме всего прочего, современность, полагает Осборн, представляется спорной на *геополитическом* уровне. Понятие современного всегда является геополитическим, ведь оно связано с вопросом о единстве и разорванности социального пространства. То, что будет принято в качестве современного, — и та периодизация, которая будет для этого выбрана, — сильно варьируется в зависимости от геополитической позиции. Цитируя Дипеша Чакрабар-

56. *Idem.* Anywhere or Not at All. P. 23.

57. *Ibidem.*

ти, Осборн резюмирует: геополитическое измерение требует ответа на вопрос о том, «где находится сейчас»⁵⁸.

В силу всех этих причин он предпочитает говорить о «фикции современности». Вместе с тем, называя современное фикцией, Осборн не хочет сказать, что оно не имеет отношения к реальности. Скорее, он имеет в виду, что современное отчасти возникает в результате «продуктивного воображения» и является очень даже реальным, потому что функционирует как перформативная проекция, которая «создает настоящее» или «социально актуализирует» несуществующую в действительности взаимосвязь проживаемых времен. Поэтому на эпистемологическом уровне современное должно располагаться между историческим и художественным (*fictional*) нарративными модусами.

К переосмыслению прошедшего прошлого: предварительные соображения

Подобно тому как понятие современного является вымышленным, но вместе с тем вполне реальным, прошедшее прошлого нельзя считать нереальной, поскольку она является социально сконструированной или перформативной⁵⁹. Приняв эмпирическую недоопределенность понятия за произвольность или «простую выдумку», мы рискуем дать неверную оценку вполне реально существующим социальным и культурным переживаниям прошедшего прошлого и их (политическим и прочим) последствиям. Тем не менее я считаю, что критическое осмысление прошлого как отношения заставляет нас отказаться от аксиоматического *sui generis* или «объективированного» воображения и иначе взглянуть на проблему. Здесь я не могу полностью развить свои идеи, но позвольте мне поделиться некоторыми соображениями, которые могут способствовать дальнейшей дискуссии.

Во-первых, нам следует признать, что любые утверждения о прошедшем прошлом всегда зависят от конкретной географической, социальной и экзистенциальной позиции, из которой они делаются. Вместе с тем такие утверждения представляют со-

58. *Idem*. Global Modernity and the Contemporary. P. 82.

59. Более подробный анализ перформативного измерения историзма предложен в работе: *Bevernage B. Writing the Past Out of the Present. History and Politics of Time in Transitional Justice // History Workshop Journal. 2010. Vol. 69. P. 111–131.*

бой проблему, поскольку принимают универсалистскую форму. Иными словами, такие утверждения скрывают, что в их основе лежат локализованные и неполные интерпретации различий между отдельными аспектами (хронологического) прошлого и некоторыми аспектами настоящего, которые получают эпистемологический приоритет и экстраполируются, то есть начинают обозначать «прошлое» или «настоящее». Между тем явления, которые ассоциируются с прошлым у представителей определенного класса или культурной группы в определенном регионе мира, могут вполне восприниматься как современные другими классами и группами. Таким образом, приписывание прошедшего тому или иному явлению может всегда быть оспорено и всегда подразумевает неравные отношения власти. Мишель де Серто весьма точно сформулировал эту мысль:

Внутри социально стратифицированной реальности историография устанавливает в качестве «прошлого» (то есть совокупности странных черт и «противодействий», которые следует принять или отвергнуть) все то, *что не относилось к власти над производством настоящего, является ли эта власть политической, социальной или научной*⁶⁰.

Несмотря на то что де Серто писал об историографии, не стоит ограничивать исследование ролью историков, когда речь идет о производстве понятия прошедшего. Напротив, глубокий анализ чувства прошедшего как широкого социокультурного явления должен принимать в расчет более масштабный и сложный процесс социально-культурного производства, который задействует «работу тысячи рук» (цитируя Рафаэля Самуэля)⁶¹. Более того, господствующее в культуре чувство прошедшего возникает из множества локально произведенных ощущений прошлого. А значит, следует задать вопрос, как произведенное историографией чувство прошедшего взаимодействует с другими понятиями прошлого и усиливает их — например, юридическую, эстетическую или технологическую прошедшесть⁶².

60. *De Certeau M. History: Science and Fiction // Idem. Heterologies: Discourse on the Other. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2010. P. 216.*

61. *Samuel R. Theatres of Memory: Past and Present in Contemporary Culture. L.: Verso, 1994. Vol. 1. P. 18.*

62. С конструктивистских позиций формирование чувства прошедшего по отношению к археологическим объектам и материальному наследию весьма пронизательно анализирует Корнелиус Холторф: *Holtorf C. On Pastness: A Reconsideration of Materiality in Archaeological Object Authen-*

Перейдем ко второму тезису, который тесно связан с первым. Для того чтобы уйти от практики «аллохронизма»⁶³ — символического расположения других во времени, — утверждения о прошедшем прошлого всегда должны учитывать вопрос гетерогенности хронологического настоящего. Некоторые ученые показали, что генезис понятия инаковости прошлого тесно связан с идеей «прошедшего другого» (*the pastness of the other*)⁶⁴. В частности, Барри Хиндесс замечает, что образы другого в эпоху открытия Нового Света находились под влиянием идей, взятых из античной истории (например, греки и римляне описывали других как «варваров»), при этом встреча с «другими» в Новом Свете также сильно повлияла на понимание античной истории и представления об инаковости прошлого⁶⁵. Хотя развитие этнологии как самостоятельной дисциплины, как полагает де Серто, возможно, «отчасти освободило историю от задачи находить в настоящем место для другого»⁶⁶, в действительности это только до некоторой степени верно, ведь до сих пор исторический дискурс нередко используется в практике аллохронизма. Так происходит, когда некоторые люди и практики, существующие в хронологическом настоящем, изображаются живыми анахронизмами или символами живого прошлого и, таким образом, символически исключаются из современности или «нашего» времени. В качестве примера можно вспомнить изображение ислама как принадлежащего эпохе до Просвещения или Нового времени, а значит, как историче-

ticity // *Anthropological Quarterly*. 2013. Vol. 86. № 2. P. 427–443; *Idem*. Perceiving the Past: From Age Value to Pastness // *International Journal of Cultural Property*. 2017. Vol. 24. P. 497–515. Производство чувства прошедшего и механизмы эстетического «состаривания» (*mûcanismes de vieillissement*) в области литературы досконально разбираются в статье: *Casanova P.* Le méridien de Greenwich: réflexions sur le temps de la littérature // *Qu'est ce que le contemporain*. P. 113–146. Интересные размышления об отношениях между прошедшим и культурными представлениями о подлинности можно найти в работе: *Robinson E.* Authenticity in the Archive: Historical Encounters with “Pastness” // *Desperately Seeking Authenticity: An Interdisciplinary Approach* / R. Graulund (ed.). Copenhagen: University of Copenhagen, 2010. P. 13–28.

63. *Fabian J.* *Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object*. N.Y.: Columbia University Press, 2002.

64. Выражение взято из введения к книге: *Time: Histories and Ethnologies* / D.O. Hughes, T.R. Trautmann (eds). University of Michigan Press, 1995. P. 1.

65. *Hindess B.* *The Past Is Another Culture* // *International Political Sociology*. 2007. Vol. 1. № 4. P. 331–332.

66. *De Certeau M.* *The Writing of History*. N.Y.: Columbia University Press, 1988. P. 85.

ски отсталой религии — как это делается, например, в правом политическом дискурсе.

В-третьих, я предлагаю подходить к высказываниям о прошедшем прошлом как потенциально преждевременным или превентивным. Поскольку, как утверждают Осборн и другие, невозможно дать исчерпывающее эмпирическое описание современности, а также ввиду того, что темпоральные границы современности всегда являются спорными, постоянно существует риск упустить преюбренность, важную для того или иного явления, и преждевременно объявить о том, что прошлое действительно прошло. Если мы признаем опасность, связанную с так называемой превентивной историзацией, то это позволит нам всерьез подойти к утверждениям многих активистов и пострадавших групп, которые говорят, например, о «неоконченном деле апартеида», или утверждают, «что процесс деколонизации еще не завершен», или в целом рассматривают существующее сегодня неравенство как продолжение исторической несправедливости.

И наконец, я предлагаю размышлять о прошедшем прошлом как о чем-то всегда динамичном и неустойчивом, а не стабильном и необратимом. Кризис принятой в историзме концепции прошлого должен заставить нас задуматься над тем, каким образом определенным явлениям придаются социокультурные характеристики прошедшего и каким образом они их утрачивают. Как замечает Райнхарт Козеллек, сегодня все больше внимания уделяется так называемому будущему в прошедшем. Однако изучение «прошлого в прошедшем» или прошлого, которое перестало восприниматься как прошедшее, могло бы, на мой взгляд, открыть новую перспективу для анализа динамики историзма. В качестве иллюстрации можно привести восприятие организованных религиозных практик: если в определенной социокультурной *среде* к концу XX века секуляризация считалась свершившимся историческим фактом, то с подъемом христианского фундаментализма и политического ислама в начале XXI века подобное восприятие религиозных практик как принадлежащих прошлому было решительно оспорено.

Заключение

Эта статья написана на основе доклада, который был прочитан на организованной Музеем современного искусства «Гараж» конференции, прошедшей в Москве 26–27 октября 2018 года. Тема

конференции была сформулирована в виде вопроса: «В каком времени мы живем?» Хотя этот вопрос, бесспорно, крайне важен и никогда не теряет своей актуальности, подходить к нему нужно осторожно, более того, некоторое интеллектуальное сопротивление такой постановке вопроса представляется уместным. Ответить, в каком времени мы живем, можно лишь в том случае, если мы знаем, что подразумевается под «Мы». Вместо того чтобы отвечать в описательной форме, я решил представить свои размышления о том, как концепции исторического времени влияют на концептуализацию такого «Мы», которое одновременно включает в себя одних и исключает других.

Безусловно, когда я впервые прочитал вопрос конференции, я подумал о синхронном «Мы»: мы, живущие сейчас, современные мы. Однако совершенно ясно, что можно представить и более диахронное «Мы», подразумевающее общий опыт, убеждения и солидарность между людьми, которых разделяют многие годы. «Что же мы все-таки делаем, когда историзируем, — риторически вопрошает Дженнифер Флейснер, — если не утверждаем прежде всего прошедшее прошлого — его неспособность реагировать на организующую его позицию настоящего?»⁶⁷

Размышления, предложенные в этой статье, вызваны прежде всего неудовлетворением, связанным с подобным типом экзорцистской историзации, которая неустанно проводит границы, отделяющие прошлое от настоящего, и настаивает на том, что прошлое безвозвратно прошло. Критическое переосмысление прошлого как прошедшего, а настоящего — как здесь и сейчас присутствующего может помочь нам избавиться от привычки подходить ко времени как к «средству исключения»⁶⁸, чтобы представить другое «Мы», организованное вокруг различных устремлений и солидарности, выходящих за пределы современности. Мой главный тезис состоит в том, что историчность и социальность необходимо мыслить вместе. Подобная точка зрения позволяет увидеть причины кризиса истористской концепции прошлого в изменении форм социальности или в кризисе конкретного «мы», связанного с определенными ценностями и чувством привязанности.

Критикуя принятую в историзме концепцию прошлого, я отнюдь не хочу призвать совсем отказаться от историзма как от ин-

67. *Fleissner J.* Op. cit. P. 702.

68. *Rancière J.* Op. cit.

теллектуального инструмента или «культурного паттерна»⁶⁹. Скорее, я полагаю, что мы должны попытаться оживить историзм, возродив его критическую саморефлексивность и признав, что историзация никогда не является просто нейтральным способом описания реальности, а всегда предполагает активное вмешательство в нее. Одним из способов критического осмысления историзма, на мой взгляд, может стать изучение того, как производятся и воспроизводятся, оспариваются или полностью отвергаются конкретные смыслы прошедшего.

Библиография

- Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Издательство института Гайдара, 2019.
- Мангейм К. Историзм // Очерки социологии знания. М.: ИНИОН РАН, 1997. С. 118–179.
- Agamben G. What Is the Contemporary? // Idem. What Is an Apparatus? And Other Essays. Stanford: Stanford University Press, 2009. P. 39–54.
- Alexander M. The New Jim Crow: Mass Incarceration in the Age of Colorblindness. N.Y.: The New Press, 2010.
- Apter E. Rethinking Periodization for the 'Now-Time' // Being Contemporary: French Literature, Culture and Politics Today / L. Brozgal, S. Kippur (eds). Liverpool: Liverpool University Press, 2017. P. 29–42.
- Bevernage B. History, Memory, and State-Sponsored Violence: Time and Justice. N.Y.: Routledge, 2012.
- Bevernage B. Tales of Pastness and Contemporaneity: On the Politics of Time in History and Anthropology // Rethinking History. 2016. Vol. 20. № 3. P. 352–374.
- Bevernage B. The Past is Evil / Evil is Past: On Retrospective Politics, Philosophy of History and Temporal Manichaeism // History and Theory. 2015. Vol. 54. № 3. P. 333–352.
- Bevernage B. Writing the Past Out of the Present. History and Politics of Time in Transitional Justice // History Workshop Journal. 2010. Vol. 69. P. 111–131.
- Casanova P. Le méridien de Greenwich: réflexions sur le temps de la littérature // Qu'est ce que le contemporain / L. Ruffel (ed.). Nantes: Cécile Default, 2010. P. 113–146.
- Chakrabarty D. Minority Histories, Subaltern Pasts // Postcolonial Studies. 1998. Vol. 1. № 1. P. 15–29.
- Cox G., Lund J. The Contemporary Condition: Introductory Thoughts on Contemporaneity and Contemporary Art. Aarhus: Sternberg Press, 2016.
- Cultures of Obsolescence: History, Materiality, and the Digital Age / B. Tischleder, S. Wasserman (eds). N.Y.: Springer, 2015.
- De Certeau M. History: Science and Fiction // Idem. Heterologies: Discourse on the Other. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2010. P. 190–224.

69. Fulda D. Historicism as a Cultural Pattern: Practising a Mode of Thought // Journal of the Philosophy of History. 2010. Vol. 4. № 2. P. 138–153.

- De Certeau M. *The Writing of History*. N.Y.: Columbia University Press, 1988.
- Derrida J. *Specters of Marx. The State of the Debt, the Work of Mourning, and the New International*. N.Y.: Routledge, 1994.
- Fabian J. *Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object*. N.Y.: Columbia University Press, 2002.
- Fasolt C. *The Limits of History*. Chicago: The University of Chicago Press, 2004.
- Fleissner J. *Historicism Blues // American Literary History*. 2013. Vol. 25. № 4. P. 699–717.
- Fulda D. *Historicism as a Cultural Pattern: Practising a Mode of Thought // Journal of the Philosophy of History*. 2010. Vol. 4. № 2. P. 138–153.
- Gross A. *When Is the Time of Slavery. The History of Slavery in Contemporary Legal and Political Argument Essay // California Law Review*. 2008. Vol. 96. № 1. P. 283–321.
- Gumbrecht H. U. *Our Broad Present: Time and Contemporary Culture*. N.Y.: Columbia University Press, 2014.
- Harootunian H. *Remembering the Historical Present // Critical Inquiry*. 2007. Vol. 33. № 3. P. 471–494.
- Hartog F. *Régimes d'historicité: présentisme et expériences du temps*. P.: Seuil, 2003.
- Helgesson S. *Radicalizing Temporal Difference // History and Theory*. 2014. Vol. 53. P. 545–562.
- Hindess B. *The Past Is Another Culture // International Political Sociology*. 2007. Vol. 1. № 4. P. 325–338.
- Hirsh E., Stewart C. *Ethnographies of Historicity // History and Anthropology*. 2005. Vol. 16. № 3. P. 261–274.
- Holtorf C. *On Pastness: A Reconsideration of Materiality in Archaeological Object Authenticity // Anthropological Quarterly*. 2013. Vol. 86. № 2. P. 427–443.
- Holtorf C. *Perceiving the Past: From Age Value to Pastness // International Journal of Cultural Property*. 2017. Vol. 24. P. 497–515.
- Huyssen A. *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*. Stanford: Stanford University Press, 2003.
- Insko J. *The Prehistory of Posthistoricism // The Limits of Literary Historicism / A. Dunn, T. Haddox (eds)*. Knoxville: University of Tennessee Press, 2012. P. 105–123.
- Jordheim H. *Against Periodization: Koselleck's Theory of Multiple Temporalities // History and Theory*. 2012. Vol. 51. № 2. P. 151–171.
- Jordheim H. *Introduction: Multiple Times and the Work of Synchronization // History and Theory*. 2014. Vol. 53. P. 498–518.
- Lagrou P. *De l'histoire du temps présent à l'histoire des autres. Comment une discipline critique devint complaisante // Vingtième Siècle. Revue d'histoire*. 2013. Vol. 118. P. 101–119.
- Lambek M. *The Sakalava Poiesis of History: Realizing the Past Through Spirit Possession in Madagascar // American Ethnologist*. 1998. Vol. 25. № 2. P. 106–127.
- Maier C. *A Surfeit of Memory? Reflections on History, Melancholy, and Denial // History and Memory*. 1993. Vol. 5. P. 136–152.
- Nancy J.-L., Sá Cavalcante Schuback M. *History, Today // Philosophy Today*. 2016. Vol. 60. № 4. P. 823–826.
- Neusner J. *Paradigmatic Versus Historical Thinking: The Case of Rabbinic Judaism // History and Theory*. 1997. Vol. 36. № 3. P. 353–377.

- Noudelmann F. Le contemporain sans époque, une affaire de rythmes // Qu'est ce que le contemporain / L. Ruffel (ed.). Nantes: Cécile Defaut, 2010. P. 59–75.
- Osborne P. *Anywhere or Not at All: Philosophy of Contemporary Art*. L.: Verso, 2013.
- Osborne P. *Global Modernity and the Contemporary: Two Categories of the Philosophy of Historical Time // Breaking Up Time: Negotiating the Borders Between Present, Past and Future* / C. Lorenz, B. Bevernage (eds). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2013. P. 69–84.
- Palmié S. *Historicist Knowledge and Its Conditions of Impossibility // The Social Life of Spirits* / R. Blanes, D. Espíritu Santo (eds). Chicago: The University of Chicago Press, 2013. P. 218–239.
- Palmié S. *Slavery, Historicism, and the Poverty of Memorialization // Memory: Histories, Theories, Debates* / S. Radstone, B. Schwarz (eds). N.Y.: Fordham University Press, 2010. P. 363–375.
- Pitts Jr. L. *Brutish Goals of Jim Crow Never Died // Miami Herald*. 06.10.2012. URL: <http://miamiherald.com/opinion/opn-columns-blogs/leonard-pitts-jr/article1943352.html>.
- Ranciére J. *In What Time Do We Live? // Política común*. 2013. Vol. 4. URL: <http://doi.org/10.3998/pc.1232227.0004.001>.
- Robinson E. *Authenticity in the Archive: Historical Encounters with “Pastness” // Desperately Seeking Authenticity: An Interdisciplinary Approach* / R. Graulund (ed.). Copenhagen: University of Copenhagen, 2010. P. 13–28.
- Rouso H. *Coping With Contemporariness // Being Contemporary: French Literature, Culture and Politics Today* / L. Brozgal, S. Kippur (eds). Liverpool: Liverpool University Press, 2017.
- Rüsen J. *The Logic of Historicization // History and Memory*. 1997. Vol. 9. № 1–2. P. 113–146.
- Samuel R. *Theatres of Memory: Past and Present in Contemporary Culture*. L.: Verso, 1994. Vol. 1.
- Schäfer W. *Global History and the Present Time // Wiring Prometheus: Globalisation, History and Technology* / P. Lyth, H. Trischler (eds). Langelandsgade: Aarhus University Press, 2004. P. 103–125.
- Sharma T. R. *Research Methodology in History*. New Delhi: Concept Publishing Company, 2001.
- Shiffman Z. S. *The Birth of the Past*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2011.
- The Limits of Literary Historicism* / A. Dunn, T. Haddock (eds). Knoxville: University of Tennessee Press, 2012.
- The Varieties of Historical Experience* / S. Palmié, C. Stewart (eds). N.Y.: Routledge, 2019.
- Thomas P. *The Plural Temporalities of Hegemony // Rethinking Marxism*. 2017. Vol. 29. № 2. P. 281–302.
- Time: Histories and Ethnologies* / D. O. Hughes, T. R. Trautmann (eds). Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995.
- Torpey J. *Making Whole What Has Been Smashed: On Reparations Politics*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006.
- Traister R. *Our Racist History Isn't Back to Haunt Us. It Never Left Us // The New Republic*. 19.06.2015. URL: <http://newrepublic.com/article/122073/our-racial-history-isnt-back-haunt-us-it-never-left-us>.

- Trouillot M.-R. *Silencing the Past: Power and the Production of History*. Boston, MA: Beacon Press, 1997.
- Van De Mierop K. *Historical Presents: A Study of the Debates Around Reparations From Slavery in the United States and France, the Post-Racial Era and the Age of Commemoration*. PhD thesis. Ghent University, 2016.
- Wolfart J. The Rise of Historical Consciousness // *Religion Compass*. 2009. Vol. 3. № 1. P. 86–98.
- Yerushalmi Y. H. *Zakhor. Jewish History and Jewish Memory*. Seattle: University of Washington Press, 2002.

THE PASTNESS OF THE PAST: SOME REFLECTIONS ON THE POLITICS OF HISTORIZATION AND THE CRISIS OF HISTORICIST PASTNESS

BERBER BEVERNAGE. Associate Professor, Department of History, Faculty of Arts and Philosophy, berber.bevernage@ugent.be.

Ghent University (UGent), 35 Sint-Pietersnieuwstraat, 9000 Gent, Belgium.

Keywords: pastness of the past; historicism; noncontemporaneity; broad present; chronology; politic of time; contemporaneity.

Berber Bevernage's thinking is centered on the concept of the pastness of the past, which is the basis of historicism. The need to rethink this concept has become evident because of the crisis in historical consciousness proclaimed by a number of theorists of history and because the boundaries between the past and the present became blurred when the presentist "broad present" (Hans Ulrich Gumbrecht's term) became dominant. The author does not demand a complete break with historicism, which can be both repressive and emancipatory in nature. He does insist distinguishing the past from simple chronological precedence and on considering it strictly as a "relational concept," i.e. as dependent on the perception of the present, which should not be reduced to simple empirical observation.

The pastness of the past always depends on understanding the present as a coherent historical context; in other words, it presupposes the idea of the present's contemporaneity to itself. However, Bevernage relies on the works of the British philosopher Peter Osborne to argue that it is possible to speak about the "fiction of the contemporary" which is not confirmed by any empirical experience. At the same time, that fiction is not a mere illusion because it fulfills a pragmatically motivated and politically significant performative function. Bevernage would apply the concept of the pastness of the past in exactly the same way. He sees the attribution of the sign of pastness to one phenomenon or another as something that can be disputed because it always attempts to justify the existing relations of power. Historians are not the only ones responsible for creating the status of pastness. The author allows that other professional communities, particularly artists and lawyers can also take part in attributing pastness. The sense of the past that prevails in a culture arises from a multitude of locally produced senses of the past.

DOI: 10.22394/0869-5377-2021-4-65-90

References

- Agamben G. *What Is the Contemporary? What Is an Apparatus? And Other Essays*, Stanford, Stanford University Press, 2009, pp. 39–54.
- Alexander M. *The New Jim Crow: Mass Incarceration in the Age of Colorblindness*, New York, The New Press, 2010.
- Apter E. Rethinking Periodization for the 'Now-Time'. *Being Contemporary: French Literature, Culture and Politics Today* (eds L. Brozgal, S. Kippur), Liverpool, Liverpool University Press, 2017, pp. 29–42.
- Bevernage B. *History, Memory, and State-Sponsored Violence: Time and Justice*, New York, Routledge, 2012.
- Bevernage B. Tales of Pastness and Contemporaneity: On the Politics of Time in History and Anthropology. *Rethinking History*, 2016, vol. 20, no. 3, pp. 352–374.

- Bevernage B. The Past is Evil / Evil is Past: On Retrospective Politics, Philosophy of History and Temporal Manichaeism. *History and Theory*, 2015, vol. 54, no. 3, pp. 333–352.
- Bevernage B. Writing the Past Out of the Present. History and Politics of Time in Transitional Justice. *History Workshop Journal*, 2010, vol. 69, pp. 111–131.
- Casanova P. Le méridien de Greenwich: réflexions sur le temps de la littérature. *Qu'est ce que le contemporain* (ed. L. Ruffel), Nantes, Cécile Defaut, 2010, pp. 113–146.
- Chakrabarty D. Minority Histories, Subaltern Pasts. *Postcolonial Studies*, 1998, vol. 1, no. 1, pp. 15–29.
- Cox G., Lund J. *The Contemporary Condition: Introductory Thoughts on Contemporaneity and Contemporary Art*, Aarhus, Sternberg Press, 2016.
- Cultures of Obsolescence: History, Materiality, and the Digital Age* (eds B. Tischleder, S. Wasserman), New York, Springer, 2015.
- De Certeau M. History: Science and Fiction. *Heterologies: Discourse on the Other*, Minneapolis, University of Minnesota Press, 2010, pp. 190–224.
- De Certeau M. *The Writing of History*, New York, Columbia University Press, 1988.
- Derrida J. *Specters of Marx. The State of the Debt, the Work of Mourning, and the New International*, New York, Routledge, 1994.
- Fabian J. *Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object*, New York, Columbia University Press, 2002.
- Fasolt C. *The Limits of History*, Chicago, The University of Chicago Press, 2004.
- Fleissner J. Historicism Blues. *American Literary History*, 2013, vol. 25, no. 4, pp. 699–717.
- Fulda D. Historicism as a Cultural Pattern: Practising a Mode of Thought. *Journal of the Philosophy of History*, 2010, vol. 4, no. 2, pp. 138–153.
- Gross A. When Is the Time of Slavery. The History of Slavery in Contemporary Legal and Political Argument Essay. *California Law Review*, 2008, vol. 96, no. 1, pp. 283–321.
- Gumbrecht H. U. *Our Broad Present: Time and Contemporary Culture*, New York, Columbia University Press, 2014.
- Harootunian H. Remembering the Historical Present. *Critical Inquiry*, 2007, vol. 33, no. 3, pp. 471–494.
- Hartog F. *Régimes d'historicité: présentisme et expériences du temps*, Paris, Seuil, 2003.
- Helgesson S. Radicalizing Temporal Difference. *History and Theory*, 2014, vol. 53, pp. 545–562.
- Hindess B. The Past Is Another Culture. *International Political Sociology*, 2007, vol. 1, no. 4, pp. 325–338.
- Hirsh E., Stewart C. Ethnographies of Historicity. *History and Anthropology*, 2005, vol. 16, no. 3, pp. 261–274.
- Holtorf C. On Pastness: A Reconsideration of Materiality in Archaeological Object Authenticity. *Anthropological Quarterly*, 2013, vol. 86, no. 2, pp. 427–443.
- Holtorf C. Perceiving the Past: From Age Value to Pastness. *International Journal of Cultural Property*, 2017, vol. 24, pp. 497–515.
- Huyssen A. *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*, Stanford, Stanford University Press, 2003.
- Insko J. The Prehistory of Posthistoricism. *The Limits of Literary Historicism* (eds A. Dunn, T. Haddock), Knoxville, University of Tennessee Press, 2012, pp. 105–123.
- Jameson F. *Postmodernizm, ili Kul'turnaia logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism], Moscow, Gaidar Institute Press, 2019.

- Jordheim H. Against Periodization: Koselleck's Theory of Multiple Temporalities. *History and Theory*, 2012, vol. 51, no. 2, pp. 151–171.
- Jordheim H. Introduction: Multiple Times and the Work of Synchronization. *History and Theory*, 2014, vol. 53, pp. 498–518.
- Lagrou P. De l'histoire du temps présent à l'histoire des autres. Comment une discipline critique devient complaisante. *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*, 2013, vol. 118, pp. 101–119.
- Lambek M. The Sakalava Poiesis of History: Realizing the Past Through Spirit Possession in Madagascar. *American Ethnologist*, 1998, vol. 25, no. 2, pp. 106–127.
- Maier C. A Surfeit of Memory? Reflections on History, Melancholy, and Denial. *History and Memory*, 1993, vol. 5, pp. 136–152.
- Mannheim K. Istorizm [Historicism]. *Ocherki sotsiologii znaniia* [Essays in Sociology of Knowledge], Moscow, INION RAN, 1997, pp. 118–179.
- Nancy J.-L., Sá Cavalcante Schuback M. History, Today. *Philosophy Today*, 2016, vol. 60, no. 4, pp. 823–826.
- Neusner J. Paradigmatic Versus Historical Thinking: The Case of Rabbinic Judaism. *History and Theory*, 1997, vol. 36, no. 3, pp. 353–377.
- Noudelmann F. Le contemporain sans époque, une affaire de rythmes. *Qu'est ce que le contemporain* (ed. L. Ruffel), Nantes, Cécile Defaut, 2010, pp. 59–75.
- Osborne P. *Anywhere or Not at All: Philosophy of Contemporary Art*, London, Verso, 2013.
- Osborne P. Global Modernity and the Contemporary: Two Categories of the Philosophy of Historical Time. *Breaking Up Time: Negotiating the Borders Between Present, Past and Future* (eds C. Lorenz, B. Bevernage), Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2013, pp. 69–84.
- Palmié S. Historicist Knowledge and Its Conditions of Impossibility. *The Social Life of Spirits* (eds R. Blanes, D. Espírito Santo), Chicago, The University of Chicago Press, 2013, pp. 218–239.
- Palmié S. Slavery, Historicism, and the Poverty of Memorialization. *Memory: Histories, Theories, Debates* (eds S. Radstone, B. Schwarz), New York, Fordham University Press, 2010, pp. 363–375.
- Pitts Jr. L. Brutish Goals of Jim Crow Never Died. *Miami Herald*, October 6, 2012. Available at: <http://miamiherald.com/opinion/opn-columns-blogs/leonard-pitts-jr/article1943352.html>.
- Rancière J. In What Time Do We Live? *Política común*, 2013, vol. 4. Available at: <http://doi.org/10.3998/pc.12322227.0004.001>.
- Robinson E. Authenticity in the Archive: Historical Encounters with “Pastness”. *Desperately Seeking Authenticity: An Interdisciplinary Approach* (ed. R. Graulund), Copenhagen, University of Copenhagen, 2010, pp. 13–28.
- Rouso H. Coping With Contemporariness. *Being Contemporary: French Literature, Culture and Politics Today* (eds L. Brozgal, S. Kippur), Liverpool, Liverpool University Press, 2017.
- Rüsen J. The Logic of Historicization. *History and Memory*, 1997, vol. 9, no. 1–2, pp. 113–146.
- Samuel R. *Theatres of Memory: Past and Present in Contemporary Culture*, London, Verso, 1994, vol. 1.
- Schäfer W. Global History and the Present Time. *Wiring Prometheus: Globalisation, History and Technology* (eds P. Lyth, H. Trischler), Langelandsgade, Aarhus University Press, 2004, pp. 103–125.

- Sharma T. R. *Research Methodology in History*, New Delhi, Concept Publishing Company, 2001.
- Shiffman Z. S. *The Birth of the Past*, Baltimore, Johns Hopkins University Press, 2011.
- The Limits of Literary Historicism* (eds A. Dunn, T. Haddock), Knoxville, University of Tennessee Press, 2012.
- The Varieties of Historical Experience* (eds S. Palmié, C. Stewart), New York, Routledge, 2019.
- Thomas P. The Plural Temporalities of Hegemony. *Rethinking Marxism*, 2017, vol. 29, no. 2, pp. 281–302.
- Time: Histories and Ethnologies* (eds D. O. Hughes, T. R. Trautmann), Ann Arbor, University of Michigan Press, 1995.
- Torpey J. *Making Whole What Has Been Smashed: On Reparations Politics*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 2006.
- Traister R. Our Racist History Isn't Back to Haunt Us. It Never Left Us. *The New Republic*, June 19, 2015. Available at: <http://newrepublic.com/article/122073/our-racial-history-isnt-back-haunt-us-it-never-left-us>.
- Trouillot M.-R. *Silencing the Past: Power and the Production of History*, Boston, MA, Beacon Press, 1997.
- Van De Mieroop K. Historical Presents: A Study of the Debates Around Reparations From Slavery in the United States and France, the Post-Racial Era and the Age of Commemoration. PhD thesis. Ghent University, 2016.
- Wolfart J. The Rise of Historical Consciousness. *Religion Compass*, 2009, vol. 3, no. 1, pp. 86–98.
- Yerushalmi Y. H. *Zakhor. Jewish History and Jewish Memory*, Seattle, University of Washington Press, 2002.